

ПЕРЕВОДЫ

ДЭНИС О'БРАЙЕН

ПЛОТИН И ГНОСТИКИ О ПРОИСХОЖДЕНИИ МАТЕРИИ

DENIS O'BRIEN. PLOTINUS AND THE GNOSTICS ON THE GENERATION OF MATTER

ABSTRACT: An article of the famous historian of Ancient philosophy is translated into Russian for the participants of educational project "ТЕХНН. Theoretical foundations of Arts, sciences and technology in the Greco-Roman World" (Novosibirsk, Russia). Original publication: "Plotinus and the Gnostics on the Generation of Matter", *Neoplatonism and Early Christian Thought*, Essays in honour of A. H. Armstrong, éds. H. J. Blumenthal, R. A. Markus. London: Variorum publications, 1981, pp. 108–123.

KEYWORDS: Gnosticism, Neoplatonism, matter, evil, Greek philosophy

---

ОТ ПЕРЕВОДЧИКА

Дэнис О'Брайен – британский историк античной философии. Получал образование в Лондонском (1954–56) и Кембриджском (1956–63) университетах. В 1964–71 годах работал ассистентом в нескольких лекционных курсах, посвященных истории философии и философии религии, которые читались в Кембриджском и Бристольском университетах. В 1966 году защитил докторскую диссертацию, посвященную концепции космоса у Эмпедокла.

В 1971 году О'Брайен переехал во Францию, где стал работать в парижском Национальном центре научных исследований. Этот шаг оказал значительное влияние на научный метод О'Брайена – он смог преодолеть различия между британской и континентальной историко-философскими традициями и совместить в своих работах сильные стороны обоих подходов. О'Брайен сочетает широту и систематичность рассматриваемого материала (его работы посвящены практически всем значимым направлениям античной философии – от досократиков до Августина) с особым «актуализирующим» анализом рассматриваемых

концепций. Он не просто занимается историческим описанием античных теорий, но пытается вскрыть их актуальное содержание, преодолеть историческую и культурную дистанцию между исследователем и текстом. При этом О'Брайен успешно избегает анахронизмов, которые возможны при таком подходе.

Вклад Дэниса О'Брайена в историю философии отмечен, в частности, вышедшим в 2007 году в его честь сборником «Чтение античных текстов»,¹ в который включены историко-философские работы коллег и учеников британского ученого, а также его собственная статья о методе исторического исследования.

Статья «Плотин и гностики о происхождении материи» была написана в 1981 году для сборника в честь А. Армстронга «Неоплатонизм и раннехристианская мысль».² Следуя своему методу, в ней автор от концептуального анализа понятия материи у Плотина переходит к описанию исторического контекста позднего неоплатонизма, для которого теория происхождения материи была одним из способов дистанцирования от учения гностиков.

Р. В. Гуляев

Высшая школа экономики, Москва

rgulyaev@gmail.com

ПЛОТИН И ГНОСТИКИ О ПРОИСХОЖДЕНИИ МАТЕРИИ

ДЭНИС О'БРАЙЕН

Сам Плотин считал, что между его философией и верованиями гностиков лежит пропасть.³ По крайней мере один современный исследователь вообще не видит принципиальных различий между этими учениями: «...Плотин так или иначе доказывает почти все спорные положения гностиков». Отсюда вывод: «Плотин отступает от истинных выводов из своей собственной теории».⁴ Такое рассуждение нам представляется неудачным. Очевидно, если мы не можем увидеть разницу между учениями Плотина и гностиков, то, вероятнее всего, это происходит от неспособности к пониманию текста в необходимой перспективе.

Для иллюстрации этой точки зрения мы рассмотрим проблему происхождения материи, и на примере этой темы сравним критику гностиков Платином

---

¹ Reading Ancient Texts. Essays in honour of Denis O'Brien, ed. by Suzanne Stern-Gillet & Kevin Korrigan. Leiden: Brill, 2007.

² Neoplatonism and Early Christian Thought, Essays in honour of A. H. Armstrong, éd. H. J. Blumenthal, R. A. Markus. London: Variorum publications, 1981, pp. 108–123.

³ Ср. II 9 [33], особенно 10.3 и далее; Vita 16 (здесь и далее – примечания автора).

⁴ Йозеф Катц, «Plotinus and the Gnostics», *JH* 15 (1954), 289–98, особенно 289 и 295.

с главными положениями его собственного трактата «О нисхождении души». Нам кажется, что оба фрагмента до сих пор трактовались в неверном ключе.⁵

В своем трактате «О нисхождении души» Плотин говорит о двух возможностях соотношения материи с благом, в конечном счете происходящим из Единого.

Первое предположение: «Если материя существовала всегда, то для нее было бы невозможно, в силу ее существования, не участвовать в начале, которое расточает благо на все вещи, по мере способности каждой из вещей» (*eit' ouin ēn aei hē tēs hulēs phusis, oukh hoion t'ēn autēn mē metaskhein ousan tou pasi to agaton kath' hoson dunatai hekaston khorēgountos*).

Второе предположение: «Если происхождение материи необходимо происходило от причин, первичных по отношению к материи, то даже в этом случае она не должна была существовать отдельно, как если бы вследствие некоего бессилия не дойдя до нее, остановилось начало, которое как бы из чистой щедрости одарило ее существованием» (*eit' ēkolouthēsēn ex anangkēs hē genesis tois pro autēs aitiois, oud' hōs edei khōris einai, adunamiāi prin eis autēn elthein stantos tou kai to einai hoion en khariti dontos*).⁶

Мнения по поводу значения данных отрывков разделились.

Эмиль Брейе и Поль Анри видят непорожденную материю (из первой гипотезы) и порожденную (из второй) альтернативными друг другу, и оба исследователя соглашаются в том, что сам Плотин считал материю порожденной. Они расходятся в выводах из первого предположения: Брейе считает, что непорожденная материя противопоставляется сущностям, произошедшим от Единого; Анри же говорит о намерении Плотина указать на то, что материя в обоих случаях зависима от Единого: «даже материя, вне зависимости от происхождения, вовлечена (*metaskhein*) в Благо и не может быть полностью отделена от него (*khōris einai*)» (курсив автора).⁷

⁵ Два отрывка: «Против гностиков» II 9[33] 3.11–21 и «О нисхождении души в тела» IV 8[6] 6.18–23. Несмотря на название работы, исследование учения гностиков здесь производилось лишь в аспекте их критики со стороны Плотина.

⁶ IV 8[6] 6.18–23. Данный текст более подробно анализируется в следующей работе: *La matiere et le mal humain dans la philosophie de Plotin*; здесь мы ограничимся лишь сравнением с аргументом из трактата «Против гностиков».

⁷ Интерпретация Брейе изложена в «Le monde sensible et la matiere», приложении к *La philosophie de Plotin* «новое» [3e] издание, в серии *Bibliothèque d'histoire de philosophie* (Paris, 1961), 189–207, особенно 206–07. Это приложение отсутствует в двух ранних французских изданиях (Париж, около 1928, и Париж, около 1948), но включена в качестве отдельной главы в английский перевод книги Брейе за авторством Джозефа Томаса, *The Philosophy of Plotinus* (Chicago, 1958), 164–81, особенно 180–1. Интерпретация Анри дается в исправленной версии работы «The Place of Plotinus in the History of Thought», помещенной в качестве 3го (т. е. 2го у Faber and Faber) издания «Эннеад» Плотина, перевод Стивена Маккены (Лондон, 1962); переизданной с сохранением нумерации страниц

Профессор Рист также считает, что материя, по Плотину, сотворена, но данное утверждение он распространяет и на первую гипотезу, и различие между двумя гипотезами он видит в том, является ли происхождение творение материи вечным или временным.⁸

Доктор Швицер тоже относит точку зрения самого Плотина к первому из утверждений, но по другим причинам, нежели Рист. Швицер считает, что материя для Плотина нетварна, но эту точку зрения он, как и Брейе, и Анри, соотносит с первым утверждением из предложенной альтернативы: «die zweite wird nur als Hypothese erwähnt» («вторая упоминается лишь как гипотеза»).

Таким образом, собственная позиция Плотина считается изложенной как в первом предположении (Рист, Швицер), так и во втором (Брейе, Анри); к первой гипотезе она относится исходя как из того, что Плотин верил в тварность материи (Рист), так и из того, что не верил (Швицер).

Несмотря на это разнообразие взглядов, мы имеем смелость утверждать, что ни одна из этих интерпретаций не является вполне корректной.

Заключение Брейе о том, что вечная материя противопоставляется реальности, происходящей от Единого, неверно, так как с точки зрения Плотина материя из первой гипотезы не просто *может* быть частью блага, но *не может не принадлежать к нему* (*οὐκ ἔστιν ἄλλο τῆ ἐπι...τῆ μετὰ τὴν*). Анри, в свою очередь, заходит слишком далеко, когда высказывает предположение, что материя вне зависимости от происхождения будет частью блага, так как подобная «причастность» является прямым следствием только из первой гипотезы; вторая же явно направлена на представление другого, более слабого, вывода, а именно что даже если материя не участвует, то «она не является чем-то отдельным» (*οὐδὲν ἄλλο ἐστὶν ἢ τὸ ἐπι...τῆ μετὰ τὴν*).

Этот же фрагмент представляется опровержением двух других позиций, изложенных выше. Рист и Швицер не сходятся в том, какой материя описывается в первой гипотезе: вечной и тварной (Рист) или вечной и нетварной (Швицер). Однако поскольку они согласны в том, что первая гипотеза отража-

в 4ом издании (1969): xxxv–lxx, особенно lvi–lvii. Размышления на эту же тему присутствуют в комментариях Анри к Н. Dorrie, «Die Frage nach dem Transzendenten im Mittelplatonismus», *Les sources de Plotin*, Entretiens Hardt V (Geneva, 1960), 236–7.

⁸ J. Rist, *Plotinus: the Road to Reality* (Cambridge, 1967; рус. пер. Е. В. Афонасина и И. В. Берестова, Санкт-Петербург, 2005), 118–19. Ср. «Plotinus on Matter and Evil», *Phronesis* 6 (1961), 154–66, особенно 157–8.

⁹ Hans-Rudolf Schwyzer, «Zu Plotins Deutung der sogenannten Platonischen Materie» *Zetesis, album amicorum...angeboden aan Prof. Dr. E. de Strycker* (Antwerp / Utrecht, 1973), 266–80, особенно 276. Кеннет С. Гатри также склоняется к тому, что собственная позиция Плотина отражена в первой, а не во второй гипотезе. При этом он исходит из перевода (возможно, неправильного) εἶπε как «поскольку» (со значением указания), а не «если» (в значении условия), *Plotinos, Complete Works* (London: Grantwood, N. J., 1918), 130.

ет собственный взгляд Плотина, они косвенно соглашаются и с тем, что материя, тварная либо нетварная, причастна к благу. Но так ли это для Плотина?

В своем трактате «О бесстрастии бестелесных» Плотин заключает, что материя определенно «каким-либо образом участвует» (*metalambanein hamēgerēi*) в благе.¹⁰ Однако делает он это заключение с одной важной оговоркой. Плотин считает, что поскольку материя не может быть «изменена» (*alloiousthai*) без неизбежного ее обращения в зло, то ее причастность благу – скорее видимость (*dokein*), нежели реальность (*ontōs*).¹¹

Далее в этом трактате Плотин пишет, что ничто не может быть «полностью неспособным к участию» в благе (*pantē mē metekhein*). В связи с этим он ставит вопрос: как материя может «быть частью, оставаясь непричастной» (*pōs mē metekhon metekhei*)? Решение обнаруживается в процессе, который четко отличается от «причастности» (ср. *metaskhousa*) и оказывается меньше его.¹²

Язык этих глав (а также в сопоставимых частях сочинения «О материи») требует более детального изучения, чем мы можем себе позволить в рамках данной работы.¹³ Но для нашего исследования представляется очевидным, что когда Плотин говорит (перед описанием двух способов соотношения материи и бытия в «Нисхождении») о том, что «любая вещь» (*hotioun*) может быть частью блага, коль скоро «каждая вещь способна к овладению» (*kath' hoson hekaston hoion t'ēn metalambanen*) благом, положение, при котором материя, по его мнению, способна «овладеть», является меньшим, чем действительное участие, и что необоснованное утверждение о «причастности» в первой гипотезе (ср. *metaskhein*) не может быть использовано для описания материального принципа чувственного мира в философии Плотина.¹⁴

Из этого мы заключаем, что материя чувственного мира, сотворенная или нет, не может «быть частью», и поэтому первая гипотеза не может отражать собственных взглядов Плотина, по крайней мере нам приходится предположить, что взгляды автора менялись в период между написанием VI и XXVI трактатов.¹⁵

¹⁰ III 6 [26] 11.37–8.

¹¹ III 6 [26] 11, особенно 31, 34, 42.

¹² III 6 [26] 14.18 и далее, особенно 16–18 и 19.

¹³ Данный вопрос рассматривается в работе *La materie et le mal humain*, где подробно анализируются отрывки II 4 [12] 12.34 и 16.3–21.

¹⁴ Ср. IV 8 [6] 6.1 и далее, особенно 16–18 и 19.

¹⁵ Здесь необходимы два замечания. Во-первых, целый ряд отрывков, будучи прочитанными поверхностно, могут внести неясность в платиновское учение о «причастности». Например, Плотин пишет об «участии материи в форме» (*tēn tēs hulēs tōn eidōn metalēpsin*) в IV 5 [23] 8.1–2; но его предметом является отношение формы к чувственному миру в целом, а не такой специальный вопрос, как соотношение материи с благом. Аналогично в конце данной главы «Нисхождения души» IV 8 [6] 6.25–8 Плотин различает познаваемые реальности, существующие «независимо», и чувственные реальности, которые «имеют причастность своим существованием» или «удерживаются в

Но это будет необязательным усложнением, так как основная мысль трактата «О нисхождении», как представляется, вновь появляется в аналогичной по существу форме в отрывке из платиновской критики гностиков.¹⁶

Первое преимущество сопоставления этих двух отрывков состоит в том, что оно позволяет избавиться от утверждения доктора Швицера, согласно которому материя описывается Плотинином как *anōlethros*, а этот термин включает в себя *agenētos*, и поэтому материя, по Плотину, не может быть сотворенной.¹⁷

Как мы видим в отрывке из трактата «Против гностиков», вещи, существующие вечно (ср. *kai aei*), являются, однако, сотворенными в том смысле, что они получают свое бытие от сущностей, отличных от них самих (*genēta de ta hetera tōi par' allōn einai*). Также верно, продолжает Плотин, что у таких вещей отсутствовал первый момент творения (*ou toinun egeneto*), то есть их рождение было вневременным; напротив, они всегда были и всегда будут в состоянии прихода к бытию (*all' egineto kai genēsetai*), и в этом смысле о них можно говорить как о порожденных (*hosa genēta legetai*).¹⁸

Этот пассаж требует, чтобы мы различили два значения творения: творение во времени и творение, не имеющее временного начала. Вечное существование, исключаящее временное начало (ср. *ou...egeneto*), не исключает, по Плотину, творения в логическом или онтологическом смысле (ср. *genēta...tōi par' allōn einai*).

Из этого мы делаем вывод, что отсутствие временного конца (ср. *anōlethros*) возможно предполагает, как на том настаивает доктор Швицер, от-

---

стороне от» (*metokhēi*) интеллигибельных реальностей; вновь эта формула объемлет чувственный мир в целом и не предполагает, что материальный принцип чувственного мира сам по себе способен к «участию».

¹⁶ II 9 [33] 3.11–21, ср. IV 8 [6] 6.18–23. Эти два отрывка сопоставляются, без комментариев, Р. Хардером в *Plotins Schriften III b*, «Neubearbeitung» Р. Бейтлера и В. Тейлера (R. Beutler, W. Theiler, Hamburg, 1964), 422 (*ad.* 3.17), В. Чиленто (V. Cilento), *Plotino, paideia antignostica, ricostruzione d'un unico scritto da Enneadi III 8, V 8, V 5, II 9, introduzione e commento*. Biblioteca nazionale, serie dei classici greci e latini, testi con commento filologico vol. IX (Firenze, 1971), 230 (*ad.* 3.13–17) повторяет ссылку Хардера (IV 8 [6] 6.20 и далее), однако затем цитирует собственный перевод более ранней части главы (6.7–13), взятый из *Plotino, Enneadi, prima versione integra ... II* (Bari, 1948), 341–2, опуская утверждение об «альтернативе» (6.18–23).

¹⁷ *Zetesis* 276, цит. II 5 [25] 5.34. В своем утверждении доктор Швицер идет по пути критики, *Zetesis* 272–6, моего раннего исследования, «Plotinus on Evil: a Study of Matter and the Soul in Plotinus' Conception of Human Evil», впервые опубликованного в *Downside Review* 87 (1969), 68–110, дополненная и слегка исправленная версия в *La Neoplatonisme*, в серии *Colloques internat. du C.N.R.S.* (Paris, 1971), 113–46, особенно 135–9. Другие утверждения доктора Швицера об идее происхождения материи у Плотина разбираются в *La matiere et le mal humain*.

¹⁸ II 9 [33] 3.11–14.

существование временного начала (*agenētos* в первом значении). Однако из этого, согласно Плотину, не следует отсутствие вневременного творения (*agenētos* во втором значении).¹⁹

В продолжении отрывка это заключение применяется к материи.

Если кто-то утверждает, что материальный принцип уничтожен (*ei de kai tēn hulēn phēsei*, sc. *phtharēsesthai*), мы спросим его: какая необходимость привела к тому, что он должен войти в бытие (*tis ēn anangkē, phēsomen, genesthai*)? И если ответ будет, что материя необходимо является следствием других вещей (*ei de anangkaion einai phēsousi parakolouthein*), то мы скажем, что эта необходимость действует и в настоящий момент (*kai nun anangkē*), и поэтому материя не может быть уничтожена «сейчас».²⁰

В этом аргументе Плотин пытается доказать, что необходимость, которая произвела материю, продолжает действовать в любой момент времени – в настоящем и будущем. Мы считаем, что подобный аргумент может быть использован ретроспективно, для доказательства того, что данная необходимость действовала и в прошлом. Материя, как полагает доктор Швицер, в данном случае будет одновременно *anolethros* и *agenetos*. Но это будет значить только то, что материя не была сотворена во временном значении. Из этого не будет следовать несотворенность материи во вневременном смысле.

Напротив, аргумент Плотина требует того, чтобы материя была сотворена и в то же время не имела бы конца (а следовательно, и начала) во времени.

Однако является ли точка зрения, которую Плотин предлагает своему анонимному собеседнику в трактате «Против гностиков», его собственным убеждением или же простым следствием использования аргумента *ad hominem*?

Необходимо вернуться к отрывку из работы «О нисхождении души» и обратиться к заключению, присутствовавшему в более ранних наших рассуждениях. Плотин намерен привести тезис, имеющий для него решающее значение, а именно: материальный мир в силу своих возможностей отражает красоту интеллигибельной реальности. Поэтому представляется маловероятным, чтобы ни одна из гипотез о материи не отражала представлений, которые сам Плотин считал бы истинными. Согласно первой гипотезе, материя принимает участие во благе; от этой идеи Плотин недвусмысленно отказывается в более поздней работе; таким образом, убеждения Плотина отражены во второй гипотезе.

¹⁹ Это различие особенно ярко выражено в трактате «О материи», где про материю познаваемого мира и идеи говорится, что они «порождены в том смысле, что имеют начало, и не порождены в том смысле, что не имеют начала во времени, но всегда происходят от другого» (*geneta men gar toi akhen ekhein, ageneta de, hoti me khoroni ten arkhen ekhei, all' aei par' allou*, II 4 [12] 5.24–7). Интересно, что доктор Швицер обращается к данному отрывку, *Zetesis* 276, только для доказательства того, что материя познаваемого мира нетварна («Das Adjektiv *agenetos* gebraucht Plotin freilich nur für die *noete hule*»).

²⁰ II 9 [33] 3.15–18. Мы рассмотрим ниже промежуточный аргумент, 3.14–15.

Однако выражение второй гипотезы (*ēkolouthēsen ex anangakēs*) прямо отражено в аргументе, приведенном в трактате «Против гностиков» (*anangkaion... parakolouthēin*). Из этого можно сделать вывод, что точка зрения, приписываемая Плотинем гностикам, согласно которой материальный принцип чувственного мира – не более чем «необходимое следствие», является его собственной и повторяет позицию, изложенную во второй гипотезе трактата «О нисхождении души».²¹

Но как такое может быть, если, как признают и Анри, и Рист, материальный принцип во второй гипотезе «Нисхождения» творится во времени, тогда как в трактате «Против гностиков» материя создается без начала во времени?²²

Очевидно, мы сталкиваемся с дилеммой: в отрывке из «Нисхождения» вывод из первой гипотезы вступает в противоречие с учением Плотина, в котором материальный принцип чувственного мира не является частью блага; в то же время утверждение второй гипотезы конфликтует с выводом из аргумента, направленного против гностиков, согласно которому материальный принцип чувственного мира не может иметь начала во времени. И также маловероятно, что ни одна из гипотез не призвана отражать учение самого Плотина: утверждение альтернативы явно направлено на подтверждение заключения о том, что чувственный мир «провозглашает» красоту мыслимой реальности (ср. *deixis oun...*).²³

Решение представляется в том, чтобы снова посмотреть на язык второй гипотезы: является ли временная интерпретация выражения *ēkolouthēsen... tois pro autēs aitiois* в той степени очевидной, как это утверждает Рист?²⁴

Аналогичное утверждение используется для выражения онтологического, а не временного предшествования интеллигибельной материи (*pro autou*) по Плотину.²⁵ Позже в том же сочинении аорист (*exephusan*) используется для описания происхождения «инаковости», породившей интеллигибельную материю.²⁶ И «инаковость», и ее продукт, т. е. познаваемая материя, принадлежат миру, отсутствие временного начала которого оговаривается особо.²⁷

Можно предположить, что лингвистически выражение второй гипотезы сопоставимо с «творением», не имеющим начала во времени, а также то, что

²¹ Вопрос происхождения материи, очевидно, затронут в ряде ранних трактатов, где Плотин задается вопросом

²² Рист, *Plotinus*, 118–19, *Phronesis* 6 (1961), 157–8. Henry, *Entretiens Hardt V* (1957), 236–7. Хотя Анри считает, что выражение во второй гипотезе отсылает нас к временному творению, он все же полагает, что для Плотина «la 'genese' n'empeshe pas l'eternite», и из этого заключает, что «le texte n'est pas construit logiquement» («логическая структура текста нарушена»).

²³ IV 8 [6] 6.23 и далее.

²⁴ *Phronesis* 6 (1961), 157: «действительно». Плотин, 119: «должен».

²⁵ II 4 [12] 3.3; ср. 5.31–5.

²⁶ II 4 [12] 5.31.

²⁷ II 4 [12] 5.24–30.

происхождение материи во второй гипотезе «Нисхождения» в этом случае сопоставимо с перманентной «необходимостью» из аргумента против гностиков.

Но если вторая гипотеза трактата «О нисхождении» согласуется с выводом из аргумента против гностиков, то где лежит грань различия между двумя альтернативными вариантами: *ēn aei u ēkolouthēsen... tois pro autēs aitiois?*

Если происхождение материи во второй гипотезе не имеет начала во времени, то нам придется исключить как различие вечного и временного происхождения материи (интерпретация Риста), так и различие между нетварной материей и материей, сотворенной во времени (буквальная интерпретация Анри). Следует ли из этого то, что мы должны принять противопоставление нетварной материи и материи, сотворенной без временного начала (логическая интерпретация Анри)?²⁸

Вовсе не обязательно: если сотворенная материя из второй гипотезы должна не иметь начала во времени, то и материя из первой гипотезы, «существовавшая всегда», может быть сотворенной.

В более ранней части главы из «Нисхождения» Плотин различает «множество сущностей, произошедших от Единого»; «души», которые идут после сущностей, происходящих непосредственно от Единого; и, наконец, «предметы, которые появляются потому, что они берут свое начало от душ».²⁹

Этот порядок, как кажется, объясняет разницу между двумя альтернативными вариантами. В первой гипотезе материя «существовала всегда»; из этого можно сделать вывод, что согласно этой гипотезе материя принадлежит к тем сущностям, которые «происходят от Единого».³⁰ По второй гипотезе происхождение материи обусловлено причинами, первичными по отношению к самой материи; вывод – эти причины являются производными от Единого, и материя, так как она не может быть приравнена к душе, принадлежит к категории «вещей, берущих начало в душах».³¹

²⁸ Это разграничение интерпретаций Анри, *Entretiens Hardt V* (1957), 236–7, было отмечено выше.

²⁹ IV 8 [6] 6.1–7.

³⁰ Эти сущности, несмотря на их происхождение от Единого, упоминаются в конце отрывка как существующие «сами по себе» (*par' autōn*, 6.26–7). Эта кажущаяся аномалия на самом деле является частью платиновской концепции, в которой различаются мыслимый и чувственный миры; для частичного разъяснения см. VI 4 [22] 2.1 и далее.

Второе уточнение: формулировки из IV 8 [6] 6.1–7 очевидно не направлены на исключение идеи существования «иерархии» происхождения даже по отношению к сущностям, которые Плотин называет производными от Единого. Эта «инаковость», согласно трактату «О материи», «формирует» материю мыслимого мира (II 4 [12] 5.28–20, цитировалось ранее).

³¹ Это включение принимается в следующих взглядах Плотина на происхождение материи: III 9 [13] 3.7–9, III 4 [15] 1.1–6.

Данное разграничение будет производить эффект, аналогичный тому, которого добивается Плотин в финальной части сочинения «О материи», разделяя материю мысленного и чувственного миров: Божественная материя является сущностью или субстанцией, так как образующий ее принцип находится «до бытия»; материя же чувственного мира есть небытие, так как бытием является первичный по отношению к ней принцип.³²

Аналогичное разделение имеется в предшествующей части данного трактата, когда Плотин включает материю мысленного мира во множество вещей, «существовавших всегда» (*onta aei*, ср. *ēn aei* в первой гипотезе трактата «О нисхождении души») и противопоставляет их вещам, находящимся «в состоянии постоянного становления» (*ginomena aei*).³³

Решение, которое мы предлагаем, на первый взгляд может показаться парадоксальным, так как оно состоит в том, что в обеих гипотезах материя является сотворенной, и в обоих случаях творение происходит без начала во времени. Разница в том, что в первом случае материя принадлежит к идеальным сущностям, которые происходят от Единого, тогда как во второй гипотезе материя создается душой и, следовательно, занимает низшее место в философской системе Плотина.

Разные истоки материи объясняют разницу в выводах из двух гипотез.

Главное значение вывода из первой гипотезы, как нам кажется, заключается в выражении *metaskhein ousan*. Если материя существует, она будет участвовать в добродетели ее существования, так же как и материальный принцип в мысленном мире в философской концепции Плотина.³⁴

Выражение *ou ... khōris* в выводе из второй гипотезы используется как альтернатива «причастности». Смысл этого выражения проясняется благодаря подробному описанию материального принципа, которое Плотин дает в трактатах «О материи» и «О бесстрастии бестелесных».

³² II 4 [12] 16.23–7: для выражения «божественной» материи ср. 5.15 (*theia*).

³³ II 4 [12] 5.24–8. Это, разумеется, традиционная формулировка, и она постольку шире в своей применимости, поскольку мир «становящихся сущностей» включает не только материю, но и космос (5.27), хотя, как постоянно повторяет Плотин, именно материя является основой различий между «реальностями» (*ta onta*) и «всей чувственной реальности» (I 8 [51] 3, особенно 9–12, ср. с 4.19–20).

³⁴ Плотин подразумевает, что интеллигибельная материя «задана» своим поворотом к Единому, II 4 [12] 5.33–5. Очевидно, что для Плотина «причастность» описывает не только соотношение чувственного и мыслимого миров. Все отличное от Единого, т. е. и мыслимые, и ощущаемые сущности, «участвуют» в благе Единого (*metalambanein*), но к ощущаемым сущностям это относится в смысле их «причастности» к мыслимым реальностям, которые сами являются «образами» блага: ср. I 7 [54], особенно 1.9–10 и 2.1–6.

Материальный принцип чувственного мира не является сущностью и не может «быть частью».³⁵ Ввиду его небытия он «уродлив» и «зол».³⁶ Однако он не может считаться, так сказать, «открытой раной на теле космоса». Хотя материя чувственного мира не может истинно быть частью формы, она охватывается душой, являющейся подобием формы.³⁷ Душа «бoitся», что в противном случае материя будет оставлена «за пределами реальности».³⁸ Это выражение трактата «О материи» (*exō tōn ontōn einai*) приближается к отрывку из «Нисхождения» (*khōris einai*).³⁹ В обоих трактатах действие души или высших реальностей является заменой «участия», *pis aller*: чувственной мир не может быть частью блага, но даже с учетом этого (*oud' hōs*) он не оставлен.

Эта доктрина объясняет продолжение отрывка из трактата «Против гностиков». Плотин считал, что материя не умирает. Он задается вопросом: что будет, если материя будет «оставлена сама по себе» (*ei de monē kataleiphthēsetai*).⁴⁰ Каково значение этого выражения?

Рист сопоставляет данный пассаж с более поздним отрывком из того же сочинения, смысл которого, как утверждает исследователь, в том, что «материя не может быть изолирована как любой вид добытийной тьмы».⁴¹ В настоящем отрывке он видит данную идею «альтернативной» той идее, что материя была «неизбежным последствием». Очевидно, Рист интерпретирует трактат «Против гностиков» в том же ключе, что Брейе и другие исследователи – «О нисхождении», а именно, обозначая выбор между нетварной (*monē kataleiphthēsetai*) и сотворенной (*anangkaion ... parakolouthein*) материей.⁴²

Странность в том, что разделение, проводить которое Рист отказывается по отношению к отрывку из «Нисхождения», он поддерживает применительно к отрывку из трактата «Против гностиков». Однако истинным представляется тот вариант, что ни в одном из этих эпизодов нельзя говорить о разделении сотворенной и нетварной материй, не нарушая при этом изначальной мысли автора.

³⁵ Интеллигибельная материя является сущностью, таким образом будучи противопоставленной материи чувственного мира, II 4 [12] 5.12–23. «Быть частью»: см. примечания выше.

³⁶ «Уродливый» и «злой»: тезис трактата «О зле», например I 8 [51] 3.12 и далее, уже упомянуто в II 4 [12] 16.19–24, с той разницей, что в позднейших работах материя – *aneidon* (3.14), тогда как в ранних трактатах Плотин задается вопросом: *pōs... ou duseides?* (16.23).

³⁷ II 4 [12] 10.31–5; ср. III 6 [26] 11.29–31 (*dokein*: цитировалось ранее в примечаниях к «участию»).

³⁸ II 4 [12] 10.31–5.

³⁹ II 4 [12] 10.31–5; ср. IV 8 [6] 6.20–3.

⁴⁰ II 9 [33] 3.18–19.

⁴¹ Рист, *Plotinus*, 117–18. Отрывок, который цитирует Рист, II 9 [33] 12.39 и далее. Кажется, здесь он также заблуждается, но это придется оставить до лучших времен.

⁴² II 9 [33] 3.17–21; IV 8 [6] 6.18–23; ср. Рист, *Plotinus*, 118–19. Интерпретации Брейе и других авторов уже были отмечены.

Плотин имеет дело не с прошлым мира, с «пред-существующей» тьмой, но с его будущим (ср. *kataleiphthēsetai*). И он не считает, что материальный принцип может быть изолирован в том смысле, что он мог прийти в бытие независимо от Единого; также Плотин не намерен делать разграничения между тварной и нетварной материей. В своих размышлениях он отталкивается от тезиса, что происхождение материи было «необходимым последствием». Исходя из этого, Плотин утверждает, что в определенный момент в будущем материя, даже будучи сотворенной, может быть заброшена.

Это становится очевидным, если рассматривать структуру платиновских аргументов как целое.⁴³ Аргументация делится на две части. Плотин сперва заключает, что вещи не обретают бытие в какой-то момент прошлого (*ou toinun egeneto...*).⁴⁴ Второе, дополнительное, утверждение – сущности не имеют продолжения после определенного момента в будущем (*oude phtharēsetai*).⁴⁵

Во второй части аргумента Плотин, используя традицию от Эмпедокла до Парменида, делает умозаключение, согласно которому продолжение имеют только те предметы, которые могут во что-то развиваться (*oude phtharēsetai, all' ē hosa ekhei eis ha*); и, соответственно, то, что не может во что-либо перейти, продолжения иметь не будет (*ho de mē ekhei eis ho, oude phtharēsetai*).⁴⁶

Далее Плотин спорит с тем, что сущности могут «переходить» в материю (*ei de tis hulēn legoi*). Он замечает, что в таком случае можно представить себе объект, в который разовьется сама материя (*dia ti ou kai tēn hulēn?*).⁴⁷ Этот аргумент следует за тезисом, приведенным выше и направленным на доказательство того, что материя не имеет продолжения.⁴⁸ Выражение, повторяющее аргумент (*ei de monē kataleiphthēsetai*), в свою очередь возвращается к возможности вещей переходить в материю. Однако материя, которая, как считает Плотин, не имеет продолжения, не может быть оставлена обособленной, так как это привело бы к разрушению космоса.⁴⁹

⁴³ II 9 [33] 3.11–21.

⁴⁴ II 9 [33] 3.12–14.

⁴⁵ II 9 [33] 3.14–21.

⁴⁶ II 9 [33] 3.14–15. Аргумент Парменида, «Откуда могло произойти что-либо?» (ср. 8.6–7), приспособляется Эмпедоклом для включения вопроса «Куда может перейти целое?» (ср. с 17.32–3 и 12.3). У Плотина этот аргумент был переработан в терминах аристотелевского понимания материи как необходимого основания изменений, включающих *genesis* и *phthora*, таким образом, вопрос звучит не как «куда», а как «во что». Но эта тема слишком обширна для того, чтобы просто ее отметить.

⁴⁷ II 9 [33] 3.15–16.

⁴⁸ II 9 [33] 3.16–18.

⁴⁹ II 9 [33] 3.18–21. Д. Ролоф, *Plotin, Die Grosschrift III, 8–V, 5–II, 9. Untersuchungen zur antiken Lit. und Gesch.* 8 (Berlin, 1970), 164, видит в выражении *ei de monē* еще одно доказательство того, что материя не может быть уничтожена: по его мнению, смысл в том, что если бы материя была оставлена сама по себе, от нее было бы проще избавиться. Нам это кажется излишним усложнением. Плотин уже показал, что сама материя

Отрицание Плотином этой возможности повторяет идею, которую он развивал в трактате «О нисхождении» как причину, по которой материя не может существовать самостоятельно.

Материя в данном трактате, даже если она не «существовала вечно», не должна существовать «отдельно», так как это значило бы, что «принцип, который дает из чистой щедрости само бытие, остановился незадолго до того, как достичь материи», сдержанный некоторой «невозможностью».⁵⁰ Практически таким же образом, в аргументе против гностиков, материя не может быть оставлена сама по себе, так как в этом случае «божественная сущность была бы не везде, но в отдельных местах» (*ou pantakhou all'en tini topōi aphōrismenōi ta theia estai*), «как если бы она была отгорожена» (*kai hoion apotteikhismena*), своего рода аллюзия к «блокаде» богов в «Птицах» Аристофана.⁵¹ Этого, естественно, не происходит (*ei de ouch hoiton te*): материя осветилась сейчас и «будет освещена» (*ellamphthēsetai*) всегда.⁵²

Из этого можно сделать вывод, что в трактате «Против гностиков» Плотин наметил идеи, которые он впоследствии развил во второй гипотезе «Нисхождения души». В обоих трактатах происхождение материи представляется «необходимым следствием». Также в обоих сочинениях материя не может быть «отделена» или «оставлена самостоятельно». Причина в обоих случаях одинакова: это ограничило бы силы высших реальностей.

не может быть уничтожена (3.16–18): что ему надо сделать, так это доказать, что другие вещи не могут переходить в материю (ср. 3.15–16), и таким образом материя будет «обособлена» (ср. 3.18–21).

Совершенно другая интерпретация дается в А. Орбе S.J., «Variaciones gnosticicas sobre las alas del Alma (A proposito de Plot. II 9 3,18–4,12)», *Gregorianum* 35 (1954), 18–55. Орбе полагает, что утверждение целиком относится к душе, стр. 19: «Pero si [el Alma] es abandonada en soledad...»; и на этом предположении он основывает тщательное сравнение с многочисленными теориями гностиков. Такой перевод текста представляется просто неприемлемым; очевидно, что причина этой неудачи в чтении утверждения в отрыве от контекста.

Параллель, которую Орбе проводит с Иренеом, *Adv. Haer.* I 1.7 = I 31–6 Harvey, где производная от Софии «оставлена одна». (Ср. *monēn apoleiphtheisan* и *dia to kataleiphthai monēn*, I 34 и I 36 Harvey), может однако иметь большое значение. Но сравнение не требует перевода Орбе текста Плотина, поскольку у Иринея «оставление» ведет *inter alia* к производству материи (ср. I 35 Harvey); Hans Jonas, *The Gnostic Religion* (Boston, 1958) 187–9.

⁵⁰ IV 8 [6] 6.21–3, ср. 18.

⁵¹ II 9 [33] 3.19–20. Возможная параллель с Аристофаном, *Aves* 1576, отмечена Р. Хардером, *Gnomon* 24 (1952), 182.

⁵² II 9 [33] 3.20–1.

Вера гностиков подразумевает, что в некий момент в будущем материя должна быть «отделена от идеи». ⁵³ Но для Плотина функцией души является сокрытие уродства и зла материи с помощью подобия идеи. ⁵⁴ Ибо силы высших реальностей «не могут потерпеть того, чтобы видеть нечто, не являющееся их частью». ⁵⁵ Было бы непозволительным ограничением возможностей души и высших реальностей оставить материю «неукрашенным трупом». ⁵⁶

Поэтому мы возвращаемся к более общему положению: трудности, с которыми сталкивается современный читатель в поисках корректной точки зрения на критику гностиков со стороны Плотина.

Два рассмотренных нами отрывка интерпретировались исходя из различия сотворенной и несотворенной материй. Это различие привычно для современного читателя, знакомого со знаменитой дискуссией в XI книге «Исповеди» Августина, а также со спором об истинном значении мифа в «Тимее» Платона, ведущего свою историю с античности. ⁵⁷ Однако это различие не отвечает собственным убеждениям Плотина. Плотин не пытается противопоставить собственное учение в данном вопросе взглядам Платона. И в частности Плотин допускает, что гностики назовут материю сотворенной или «являющейся необходимым следствием». ⁵⁸

Второе, более тонкое, различие, проявляется, когда мы соотносим происхождение материи с проблемой зла. Здесь современный читатель обычно рассматривает философию Плотина, и особенно его критику гностиков, с двух противоположных точек зрения. Коль скоро Плотин считает материю сотворенной, мы склонны противопоставлять его философию взглядам Платона, разделявшего идею *émanation intégrale*, общую для нескольких поздних направлений неоплатонизма. С другой стороны, так как Плотин считает материю «первичным злом» и применительно к «злу *per se*» мы можем видеть в его философии преемственность дуализма «Тимея», где неупорядоченные движения вместилища (преемницы, т. е. материи, *khōra*) первичны по отношению к демиургу и независимы от него. ⁵⁹

И вновь ни одна интерпретация не соответствует собственным взглядам Плотина, и, кроме того, в обеих интерпретациях отсутствуют различия, о которых Плотин говорил применительно к своей философии и теориям гности-

⁵³ Ср. II 9 [33] 5.33–5 (*aposulēsas tēs hulēs to eidos*).

⁵⁴ Ср. III 6 [26] 11.31; II 4 [12] 10.31–5; I 8 [51] 15.23–8.

⁵⁵ IV 8 [6] 6.15–16.

⁵⁶ Мы используем образ из II 4 [12] 5.18 (*nekron kekosmētenon*), и в других местах. Тот же образ, возможно, подразумевается в *aposulēsas tēs hulēs to eidos*, цит. выше (II 9 [33] 5.33–5): гностики грабят труп этого мира.

⁵⁷ Заключение XI 9.12–13.16.

⁵⁸ «Назовут»: *ei ... phēsousi*, II 9 [33] 3.17; ср. 12.41.

⁵⁹ Эти формулы: I 8 [51] 3.39–40.

ков. Причина этого в том, что гностики, как полагал Плотин, также считают, что материя сотворена и является злом.

Разница между Плотиним и гностиками лежит скорее в соотношении этих двух идей. Гностики считают, что в будущем материя, несмотря на свою тварность, будет «оставлена», «отделена от идеи». Для Плотина, напротив, творение материи и освещенность материи вечны: ни один процесс не имеет окончания во времени. Так, в трактате «Против гностиков» природа «божественных существ» гарантирует, что материя, которая была сотворена, будет освещена. В «Нисхождении души» высшие сущности не сдерживаются «неспособностью» или «завистью» от распространения влияния блага даже вплоть до материи.⁶⁰ Таким образом, для Плотина, как и для гностиков, материя следует необходимости, которая первична по отношению к ней. Разница в том, что для Плотина эта же причина делает так, что материя, являясь злом, будет всегда покрыта наружностью блага.

Но наружность является только внешней. Материя не принимает истинного участия в благе; она остается первичным злом и «злом *per se*». Деятельность высших сил и души приводит к сокрытию материи за формой, но не ведет к смягчению представления о злой сути материи, так как если бы это произошло, то материя, по Плотину, прекратила бы быть собой.⁶¹

Эта концепция материи как неизменного зла может придать показанному нами различению между Плотиним и гностиками характер тривиальности в глазах современного читателя: форма, которая, как считают гностики, будет отделена от материи, признается Плотиним в качестве простой внешности. Но для Плотина действия, совершаемые душой по сокрытию материи за внешней оболочкой формы, является неотъемлемой частью его веры в красоту космоса именно потому, что там не может быть внутреннего изменения природы материи.

⁶⁰ «Неспособность»: IV 8 [6] 6.22. «Зависть»: ср. *perigrapsanta phthonōi*, 6.12–13.

⁶¹ Об этом аргументе см. III 6 [26] 11, особенно 24 и далее.